

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Елена САМАРСКАЯ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: helene-samarskaya@yandex.ru

НАУКА И ИДЕОЛОГИЯ СОЛИДАРНОСТИ

В статье рассматривается становление социологии как науки (вторая половина XIX – начало XX вв.) и её влияние на идеологические структуры в обществе. Статья содержит полемику с К. Мангеймом, который заложил основы современных представлений об идеологии, охарактеризовав её как выражение интересов определённых слоёв населения, он называл её «частичной идеологией». В аннотируемой статье проанализирован иной подход к идеологии: опираясь на социологов, которые видели в ней науку о целостном обществе, автор выделяет у них мысль о существовании целостных идеологий научного типа. О. Конт, один из создателей социологии, рассматривал её как науку о человечестве, соответственно, он сформулировал идеологию, которая выдвигает цель блага человечества. Э. Дюркгейм настаивал на приоритете общества перед индивидом и разрабатывал идеологию солидарности. Русский марксист и позитивист А.А. Богданов оценивал социологию как науку об организации опыта человечества и утверждал, что наука развивается в сторону единства социального опыта, в этом духе он говорил об идеологии коллективизма, солидарности.

Авторский метод состоял в сопоставлении теоретических взглядов ранних социологов позитивистской направленности – О. Конта, Э. Дюркгейма, А.А. Богданова – на социологию и идеологию и в полемике по этим вопросам с К. Мангеймом.

В статье обосновывается вывод о том, что наряду с частичными идеологиями (выражающими интересы определённых классов) существуют идеологии тотальные, формирующиеся на основе социальных и естественных наук и могущие в полной мере быть названными научными идеологиями. Современность

свидетельствует о том, что частичные идеологии всё более размываются, тогда как научные идеологии распространяются и охватывают каждое общество, что происходит по причине срастания науки, техники и государства.

Ключевые слова: социология, наука, частичные идеологии, тотальные идеологии, научные идеологии, государство, человечество, общество, индивид, солидарность

Идея сопоставить науку и идеологию пришла из современности, когда немалое количество авторов, в том числе Ю. Хабермас, объявили науку и технику идеологией. Раньше него Г. Маркузе нарисовал жёсткую картину единения науки и техники с государством, единый фронт которых противостоит населению, парализуя любые оппозиционные движения. Речь чаще всего при этом идёт о естественных и технических науках, поэтому возникает вопрос: как влияют на идеологии гуманитарные науки, прежде всего социология? Следует учесть, что социология возникла как наука в середине XIX в., то есть почти тогда же, когда складывались привычные для нас формы идеологий. С этой целью я попытаюсь рассмотреть, какую точку зрения имели на идеологию авторы, которые стояли у истоков социологии и на более поздних этапах её развития, – О. Конт, Э. Дюркгейм, А.А. Богданов – все они были позитивистской направленности.

Маркс во многом заложил основы современного понимания идеологии. Он трактовал её как идеалистическую концепцию общества, когда не осознаётся связь идей с объективными историческими процессами и вследствие этого складывается искажённое представление о действительности, идеология предстаёт как «иллюзорное представление» о мире человеческих отношений. Свою философию он считал наукой о пролетарской революции, более адекватно оценил марксизм В.И. Ленин, назвавший его «научной идеологией». Другое дело, что под этим он понимал тождество науки и идеологии в марксизме, что лишает его определение смысла. Ниже мы обратимся ещё к вопросу о «научной идеологии», чтобы понять, что она собой представляет и чем отличается от обычных политических идеологий.

Конечно, идеологии могут быть и неполитическими (толстовство, гандизм и др.), но здесь речь пойдёт о политических идеологиях, однако не тех, которые берут начало от буржуазных революций XVIII века. Тогда складывались либеральные, консервативные идеологии, которые позже, по мере укрепления парламентской демократии, превратились в известные всем партийные идеологии (консерватизм, либерализм, социализм). Предметом размышлений в данной статье являются политические идеологии, которые развивались несколько в стороне от революционных бурь, хотя и сопутствовали им.

К. Мангейм разработал понятие идеологии, которое чаще всего используют современные исследователи вопроса. Он ценил у Маркса мысль, что идеология является мышлением определённой группы, обусловленным её социальными интересами. Немецкий социолог считал эту мысль «важным открытием», в котором заключена «самая суть всей проблемы политического мышления вообще» [13, с. 143]. Но, в отличие от Маркса, он сильно акцентировал роль коллективного бессознательного в мышлении группы, признавая влияние, которое в этом плане на него оказал «метод понимания» В. Дильтея. Политическая дискуссия – это не теоретическая дискуссия, она направлена на разоблачение социального происхождения политической теории, их связей с определённой социальной группой. Идеология – это «мышление правящих групп» [13, с. 52], которые не допускают сомнений в абсолютности своего господства. «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определённых ситуациях коллективное бессознательное определённых групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других, и тем самым стабилизирует его» [13, с. 52–53]. Утопия – «это мышление угнетённых групп, которые духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание» [13, с. 53]. По сути, в том и в другом случае речь идёт о разнонаправленных идеологиях. Масштаб политической борьбы мог быть разным, например, по Мангейму, тотально противостояли друг другу идеология христианского средневековья и идеология эпохи Просвещения. Такая трактовка идеологии (включающей аспект коллективного бессознательного) снова заставляет задуматься о соотношении науки и идеологии.

Самым ярким представителем научного подхода к обществу был в середине XIX в. О. Конт, один из создателей социологии и основатель философии позитивизма. У него наука включает в себя идеологию и выступает подчас вместо идеологии. Но какая наука имеется при этом в виду? В своём «Курсе позитивной философии» Конт дал классификацию наук, впервые выделив наряду с естественными науками социологию, учение об обществе и его социально-политических условиях.

Его научный пафос был продиктован тем, что, живя в уносимой революционными бурями Франции, он мечтал о порядке в обществе, но не как консерватор, хотя его нередко причисляют к ним. Во Франции того времени царила анархия страстей, в ходу были идеи о безграничной свободе сознания, о суверенности народа, о равенстве. Опираясь на авторитет науки, Конт думал установить единство духовной жизни в обществе, добиться единомыслия и на основе промышленного развития достичь в перспективе высшего блага для всего населения. Такое устройство общества должно было стать смесью науки, действия и чувства, которое французский исследователь его творчества Ж. Гурвич называл в своё время «идеократией».

Двигаясь по этому пути, создатель социологии должен был преодолеть огромное теоретическое затруднение: дополнить понятие о естественном законе, распространив его на социальные и моральные условия. Я, говорит Конт, это осуществил, поставив в центр позитивного синтеза теорию человеческой эволюции, одновременно индивидуальную и коллективную.

Она включает три эпохи – теологическую, метафизическую и позитивную. Первая давала аффективное единство общественной жизни; вторая была ориентирована на разум и критику теологии и потому оказалась невосприимчива к аффективной жизни, она разрушила эмоциональное единство общества; третья способна охватить разум, действие и чувство. В этом последнем случае социальная теория оказывается завершением естественной философии и происходит устранение признанного со времён Платона и Аристотеля глубокого отличия естественной философии от нравственной. Конт выстраивает иерархию наук соответственно убывающей всеобщности и растущей сложности. Математика – самая простая и самая всеобщая наука, а социология – наименее общая и самая сложная из наук. И если естественные науки влияют на социологию, то и она влияет на них. Это проявляется в подчинении объективной основы человеческого существования «субъективному принципу, который всегда должен быть превосходящим в цельном философском построении» [11, с. 135]. Как вспоминал Ж. Гурвич, в одной из лекций «Курса позитивной философии» Конт приводил в подтверждение своих мыслей афоризм Б. Паскаля, говорившего, что череда человеческих действий в течение веков должна рассматриваться как деяние одного человека, который существует всегда и непрерывно учится. И Конт добавляет: «...человечество изучает самого себя в прогрессивном движении своих экстериоризаций» [20, с. 14]. Здесь прекрасно выражена мысль о единстве субъективного и объективного в человеческом познании, о единстве теории и практики, теории, действия и чувства. Прогресс в этой связи Конт определяет как «беспрерывный поступательный ход к одной определённой цели» [10, с. 45], цели совершенствования наших знаний, способностей, улучшения человеческой природы. В этом аспекте наше знание стремится к полной систематизации, а наука предстаёт как «человеческая» или «социальная», «принципы и цель которой составляет наше существование» [10, с. 24].

Слияние в социологии Конта мышления, действия, чувства уже свидетельствует о включении в неё идеологии, если понимать под ней, как было сказано выше, выражение политических интересов тех или иных коллективов в обществе. Только у Конта коллективом является целое общество как один человек. Здесь возникает вопрос: как же реально выглядит в истории этот единый, но многомерный субъект? Многие интерпретаторы считают, что это государство, которое, по Конту, удерживает общество от рассеяния идей, чувств, интересов. Чем больше развивает-

ся разделение труда, тем более сильным и авторитарным должно становиться государство, ибо оно выполняет функцию единства в обществе. Такие мнения подкрепляются тем фактом, что Конт часто высказывался в пользу автократии, написал, например, письмо Николаю I с одобрением его жёсткой власти, выступал за диктатуру папы, за диктатуру Конвента, диктатуру пролетариев, наступления которой он ожидал в 1848 г., поддерживал диктатуру Наполеона III. Но следует обратить внимание на то, что Конт, говоря о едином субъекте истории, употреблял не термин «государство», а понятие «человечества», которое предстаёт как «Высшее Существо», как объект новой религии любви к Человечеству. Это измерение общественной жизни должно стать предметом забот особой, духовной власти, которая добивается «возвышения альтруизма над эгоизмом и общественных интересов над личными» [10, с. 212]. Как форма власти она может быть признана принадлежащей к сфере политики и представляющей особую политическую идеологию, выходящую за пределы государства.

Конт не принимал старой теологической морали, а также морали, развившейся на основе атеизма, материализма и вообще форм метафизической философии. Теологическая мораль была крепка, но специфична, в ней доминировало чувство связи человека с потусторонним миром. Она культивировала в верующих эгоизм, так как каждый должен был заботиться о собственном спасении и если помогал другим, то ради своего спасения. Социальная жизнь для веры не существовала, не было для неё «мы», а лишь «я» и «не-я». Эта критика сегодня, при общем упадке нравственности, кажется слишком суровой, но ещё более сурово Конт осуждал мораль, сопутствующую метафизическим формам философии, обвиняя её в разрушении духовных ценностей (распространилось отрицательное отношение к собственности, к семье, эгоизм достиг гибельных масштабов).

Позитивная философия, думал Конт, может основать чисто человеческую мораль с верой в Человечество, для неё важно не «я», а род, «мы», она хочет добиться гармонии личного и общего. На первом плане в ней возникает тенденция «возбуждать и укреплять чувство обязанности, выдвигая всегда идею целого, с которым такое чувство естественно связано» [10, с. 53]. Для этой новой религии «человек в индивидуальном смысле не существует, существует, как уже сказано, род, человечество, так как всем нашим развитием мы обязаны обществу» [10, с. 55], её цель – распространить широко «чувство тесной социальной солидарности» [10, с. 55], стремление к общественному благу должно стать преобладающим. На страже коллективистских принципов находится духовная власть.

Конт придерживается необходимости в позитивистский период единой власти, духовной и светской. По существу, он предлагал французам принять «великое» достижение средневековья – существование на-

ряду друг с другом религиозной и светской властей, но имеющих другую содержательную наполненность. С его точки зрения, исторически дело обстоит так: французская революция породила анархическое состояние в мыслях, в философии и политике и этим вызвала ретроградную реакцию, которая началась с депутата Робеспьера и продолжилась при Бонапарте. В 1848 г. снова пробудился революционный дух с его нигилизмом, и этим колебаниям не было видно конца. Но тут появился позитивизм, противопоставивший всем этим сомнениям новое политическое устройство – двуединство духовной и светской властей.

Духовная власть олицетворяет религию любви к человечеству и поддерживает единство общества, тогда как светская власть, принадлежащая учёным и промышленникам, занята развитием индустрии, совершенствованием цивилизации. Эта власть не представляет собой какого-либо из обычных политических институтов, Конт отрицал как обожествление права королей, так и «произвол или самовластие народа» [12, с. 125]. Девизу французской революции «Свобода и равенство» он противопоставил лозунг «Порядок и прогресс». Порядок заключается в единстве населения, воспитываемого духовной властью, а прогресс означает развитие науки и практики и складывающегося на их основе гражданского общества.

Позитивная философия Конта раскрывает иной тип идеологии по сравнению с тем, о котором шла речь у Мангейма, т. е. по сравнению с классовой, частичной идеологией. У него идеология прямо вытекает из позитивной философии, из науки социологии и обращена к человечеству, точнее, к населению развитых европейских стран (Франции, Италии, Испании, Англии, Германии), стран, имеющих общее христианское прошлое. Названная им религией любви к Человечеству, она может быть обозначена проще как идеология солидарности. Конт признавал, что для общественных преобразований недостаточно только выводов науки. Они убедительны для учёных, но их недостаточно, чтобы увлечь народ. Для этого служит идеология солидарности. Она обращена ко всему населению, особенно к пролетариям и женщинам. К пролетариям, поскольку они были всегда далеки от теолого-метафизического воспитания и представляют собой своего рода *tabula rasa*, потом у них развито чувство солидарности, готовность к самопожертвованию ради общего дела. Они даже более учёных и промышленников готовы к преобразованиям в духе солидарности, поэтому Конт возлагал на них миссию осуществления и светской власти на переходный период. Женщины тоже готовы к таким преобразованиям, им близка религия всеобщей любви к Человечеству. Конт предусматривал создание очагов новой позитивной культуры в виде пролетарских клубов, где обсуждаются управленческие инициативы и укрепляется союз «новых философов» и пролетариев, откуда распространяется на всё общество «широкое философское движение». При этом французский социолог существования частной

собственности не отрицал и социального неравенства тоже. Социализм с его идеей равенства и диктатуры пролетариата, как казалось Конту, не сможет выдержать политической конкуренции с позитивизмом, ему казалось, что идеология любви к Человечеству, идеология солидарности победит идею классовой борьбы. Он ошибался.

Другой вариант связи между наукой и идеологией солидарности можно видеть у социолога и философа позитивиста Э. Дюркгейма. Он родился на полвека позже, чем Конт, но часто обращался к его наследию. Вслед за Контом, он пропагандировал ошеломляющую идею, что общество может быть объектом научного исследования. Много шума среди философов наделало его заявление, что социальные факты надо исследовать как природное явление: «первое и основное правило состоит в том, что *социальные факты нужно рассматривать как вещи*» [7, с. 125]. Это значило, что есть некая социальная реальность, не тождественная природе, но поддающаяся, как и она, причинно-следственному изучению. Социальный факт отличается тем, что возникает не в индивидуальном сознании, а вне его и принуждает индивида действовать под своим влиянием, независимо от его желания. Право, нравственность, религия, экономические отношения обладают принудительной силой в отношении индивида, что обнаруживается, когда он пытается им противостоять. Они имеют своим субстратом общество, будь то политическое общество в целом или какие-либо отдельные единства (религиозные, профессиональные объединения и т. п.). Если выразить одним словом эту веру в особую реальность общества, то таковым окажется «социологизм», реальность, аналогичная физической реальности, химической, биологической и т. п.

Признавая О. Конта отцом социологии, Дюркгейм, однако, критиковал его за метафизичность, за то, что он строил социологию на основе исторической последовательности идей – теологии, метафизики, позитивного знания. А именно, он полагал, что «существует непрерывная эволюция человеческого рода, заключающаяся во всё более полной реализации человеческой природы» [7, с. 425]. С точки зрения Э. Дюркгейма, нет этого прогресса человечества, направленного на реализацию сути человеческой природы. На деле существуют отдельные общества, которые «рождаются, развиваются и умирают независимо одно от другого» [7, с. 425]. У общества нет трансцендентной цели, оно может быть больным или здоровым, нормальным или имеющим патологию, что путём сравнения сходных обществ может установить наука. Нормальным можно считать факт, который распространён у всех обществ данного вида, а патологическим является то, что распространено гораздо меньше, стремиться надо не к беспочвенному идеалу, а к достижению нормального общества.

Отрицая эволюционизм Конта, Дюркгейм делил общества на «простые» и «сложные», «составные», определяя простое общество как не имеющее частей, состоящее из одного сегмента – орда, клан, а сложное

как полисегментарное. Так представляет общество социология, которая лишена партийного духа и не является ни индивидуализмом, ни коммунизмом, ни социализмом. Она изучает общество подобно, например, тому, как изучает политическая экономия законы товарного обращения. Причины социальных фактов следует искать в самом обществе, а не в состояниях социального познания. Социологические объяснения должны опираться на факты социальной морфологии – ассоциации, формы ассоциаций, важны объём общества, динамическая плотность населения, степень слияния социальных сегментов. Способ доказательства в социологии коренится в сравнительном методе. Конт настаивал на другом методе – историческом, но так можно установить последовательность исторических ступеней развития, а не причинную связь явлений. Научный метод социологии может быть выражен так: *«одному и тому же следствию всегда соответствует одна и та же причина»* [7, с. 514]. С помощью сравнения социология перестаёт быть чисто описательной и стремится объяснять факты. Пока социология втянута в игру партий и в обработку идей – она не стала наукой. Она должна обрести «эзотерический» характер, присущий каждой науке.

Но хотя Дюркгейм утверждает, что социология – это наука, что она лишена партийного духа, в его понимании социологии заложена определённая политическая идеология, идеология солидарности. Она берёт начало непосредственно из идеи о простых и сложных обществах, о сегментарных и полисегментарных.

Простые общества имеют «механическую» солидарность своих членов, это также солидарность «по сходству», в сложных обществах развивается солидарность «органического» типа. В простых обществах она представляет собой чувство единства между его членами, которые одинаково отрицательно реагируют на преступления против общества. В сложных обществах нет непосредственного единого коллективного чувства, оно возникает опосредованно через разделение труда, когда каждый оказывается ценным другим, поскольку выполняет необходимую функцию в обществе. В работе «О разделении общественного труда» Дюркгейм делает упор на человеческой солидарности, на роли общества в формировании индивидов. Он пишет: «Бесспорна та истина, что нет ничего в социальной жизни, чего не было бы в индивидуальных сознаниях; но почти всё, что в них находится, взято ими у общества. Большая часть этих состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и происходила бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психологической природы человека вообще, но из способа, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, соответственно их количеству и качеству сближения» [7, с. 327].

Разбираемая идеология солидарности кажется умалением индивидуальности. В тексте «Курс социальной науки» Дюркгейм доказывает, что индивид – это орган в организме, он мало значит, если ограничен

своими собственными силами. «Социология объясняет индивиду, – пишет Дюркгейм, – что он представляет собой не государство в государстве, а орган в организме, и покажет ему, как прекрасно сознательно исполнять свою роль органа. Она даст ему почувствовать, что нет ничего унижительного в том, чтобы быть солидарным с другим и зависеть от него, чтобы не принадлежать целиком самому себе» [9, с. 198]. В одной из своих статей под названием «Ценностные и реальные суждения» Дюркгейм определяет систему ценностей: они вырабатываются в обществе и навязываются индивиду, их составляют метафизические, нравственные, эстетические, правовые ценности: «Увлекаемый группой, индивид забывает о себе, о своих собственных интересах, целиком отдаваясь общим целям» [9, с. 298]. Идеалы формируются за пределами повседневной жизни, они возникают в моменты общественного эмоционального возбуждения, коллективного энтузиазма, но сохраняются, когда экзальтация проходит и наступают будни. Основные социальные явления, как то: религия, мораль, право, экономика, эстетика – представляют собой системы ценностей и потому формируют идеалы.

Зависимость индивидов от группы Дюркгейм показывает в ходе эмпирического исследования факта самоубийств. Они, по его мнению, выше там, где ослабевает коллективное сознание. Так, у протестантов они происходят чаще, чем у католиков и евреев, так как у протестантов выше уровень религиозного свободомыслия. Предохраняет от самоубийств семья, особенно с детьми. К уменьшению самоубийств ведут войны, политические кризисы, потому что тогда выше сплочённость общества. Единственное средство противостоять росту числа самоубийств – это «сделать социальные группы снова достаточно сплочёнными, чтобы они крепче держали индивида и чтобы индивид крепче держался за них» [8, с. 37]. Главное, надо возродить чувство солидарности. Кто же это мог сделать? И Дюркгейм называет прежде всего не государство, не религию, не семью, а «профессиональную группу или корпорацию» [8, с. 326]. Но до этого они должны занять почётное место в обществе, стать «определённым и признанным органом нашей общественной жизни» [8, с. 377]. Указание на профессиональную группу свидетельствует о времени, когда писалась работа, – это время формирования рабочего движения, организации рабочих профсоюзов. Профсоюзы могли бы взять на себя кассы страхования, материальную помощь, выплату пенсий, разрешение конфликтов между предпринимателями и рабочими. Профсоюзы осуществляют определённую децентрализацию общества, составляя моральную и даже политическую силу.

Работа Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» кажется существенным поворотом в его трактовке общества. На первое место в ней выдвинулся «культ индивида», который ранее казался ему антиобщественным явлением. Индустриальное общество казалось ему неотделимым от этого культа в силу господства разделения труда.

Индивид у Дюркгейма наполняется религиозным значением, что связано с рождением «новой религии человека». С большой силой тема обожествления индивида раскрывается в книге Ж.-Кл. Филлу «Дюркгейм и социализм» [19]. Он отмечает, что старые религии клонятся к закату в индустриальных обществах, на смену им приходит религия человека. Но у Дюркгейма при этом сохраняется вера в группу, для него группа является божеством, как трансцендентен Бог в старых религиях, так трансцендентна группа в отношении человека. Е.В. Осипова в своей книге о Дюркгейме удачно замечает, что у него религия – это не вера в сверхъестественное, а вера в «священное», которое является ценностью группы. Религия, с этой точки зрения, происходит из общества, она эволюционирует, потому что трансформируется само общество, многообразие религий объясняется многообразием обществ. Поэтому наука как познание общества и религия тождественны по содержанию. У Филлу встречается сопоставление Дюркгейма и Фейербаха, но если у последнего человек становится Богом, то у Дюркгейма человек становится как Бог, т. е. его обожествление следует понимать как метафору.

Социология Дюркгейма переплетается с идеалом солидарности. Но в последние годы жизни он заговорил прямо о социализме, имея при этом в виду не разрушительное революционное движение, а доктрину сенсимонистского типа. В этот период у него появился культ индивида и религия человека, хотя в большинстве исторически известных форм социализма общество превалирует над индивидом. Как же соединяется у Дюркгейма социализм с культом индивида? Он говорит в этой связи о тройственной структуре общества: индивид, группа, государство. Государство защищает индивида от чрезмерного влияния группы, а группа защищает его от авторитаризма государства. Так пытался французский социолог соединить культ индивида с социализмом, который представлял в соответствии с Сен-Симоном как господство принципа меритократии и общественно-производственной иерархии. Другие идеи социализма, например провозглашение равенства в распределении благ, Дюркгейм не признавал, поскольку они-де развиваются в народе потребительство.

В итоге можно сказать, что Дюркгейм различал между собой науку социологию и социализм. Первая находится в поисках объективной истины, второй стремится сконструировать другую модель общества. Дюркгейм был убеждён, что социолог может одновременно выступать как носитель разума и истины, будучи дистанцированным от внутри-социальной борьбы, и как актер, подобный другим. Но при всём этом идеология у Дюркгейма прямо вытекает из науки социологии, имея в центре идею солидарности. В подкрепление своего социализма он ссылается на Сен-Симона, но последнего лишь условно можно отнести к социалистам, его социализм имел весьма специфический характер, и

он, и Дюркгейм разрабатывали скорее идеологию солидарности, весьма отличную от идеологии равенства, преобладавшей в социалистическом движении того времени.

Шло время, приближалась Первая мировая война, капитализм вступил в монополистическую фазу, в Европе в революционных кругах господствовал марксистский социализм. Позитивизм принял иные формы, но его социология сохраняла связь с идеологией солидарности. Русский позитивист с марксистским уклоном А.А. Богданов создал свою версию науки социологии, которая была тесно связана с естественными науками. Этим он несколько напоминал Конта, хотя его концепция науки и социологии была глубоко оригинальна. Богданов смотрел на историю как на смену организационных форм человеческой деятельности. Отталкиваясь от марксистской идеи общественно-экономических формаций и идущего от Конта хронологического деления истории на авторитарные общества, рыночное и позитивное общества, он начал рассматривать названные типы общества как различные формы социально-организованного опыта. Свою науку он называл «эмпириомонизмом» или «социально-трудовым миропониманием». Монизм социально-организованного опыта – вот стержень его науки социологии. Конечно, в человеческой истории есть и явления специализации (наук, форм деятельности, морали, права и т. п.), но единство организации, с этой точки зрения, составляет суть и назначение человека.

Его концепция науки изложена в книге «Тектология», сейчас она рассматривается в научном сообществе как первая работа, в которой представлены в целом идеи кибернетики, теории систем и синергетики. В предисловии к немецкому изданию «Тектологии» он пишет о том, что всякая задача может и должна рассматриваться как «организационная», какова бы она ни была – практическая, познавательная, эстетическая. Жизнь человека и коллектива представляет цепь постановки и решения задач, главная трудность заключается в их величайшей разнородности, взять ли индивида или коллектив. Поэтому надо её преодолеть и выработать общие организационные методы. В истории человек постепенно приближался к раскрытию общих методов разных наук, первая всеобщая организационная наука – это математика. Из века в век шли процессы сближения методов разных наук, пока на стадии машинного производства не появилась возможность преодолеть специализацию и анархию и создать условия для развития монистического научно-организационного мышления. Настало время тектологии, т. е. науки об организации любых элементов, как физических, так и психических, как объективных процессов, так и субъективных.

Монизм – это высшая ступень социального опыта, начавшаяся на стадии машинного производства, формировавшаяся в развитых странах с XVIII в. До неё Богданов выделяет в истории два периода – авторитарный и коммерческий. Первый период формируется в дуальных обще-

ствах, когда происходит раскол ранее единого населения первобытных обществ на две большие, враждебные друг другу группы населения – организаторов и исполнителей. Такое деление начинается в трудовых процессах, а затем распространяется на все стороны общественной жизни, давая рождение противоположностям высшего и низшего, таинственного и обыденного, духовного и телесного, божественного и мирского. Тогда сознание принимает форму «авторитарного фетишизма», все социальные превращения приписываются авторитетам, которые, будь то земные или духовные, исполняют роль причины. Это, таким образом, общество с иллюзорным видением мира, всё случающееся рассматривается сквозь призму социального авторитета.

Следующее структурное изменение общества происходит с развитием рыночных отношений и капиталистических предприятий, тогда устанавливается отвлечённая метафизическая власть «товарного фетишизма» и человеческие отношения предстают как отношения вещей. Тут проявляется у Богданова влияние и Конта, и Маркса, у последнего взят термин «товарный фетишизм», тогда как характеристика эпохи как «метафизической» принадлежит О. Конту и А. де Сен-Симону. Развитие фетишизма связано с прогрессивным дроблением коллектива, с обособлением человеческого индивида от социально-трудового целого, с развитием в обществе анархии.

Богданов возвещает «Падение великого фетишизма» в обеих его исторических формах (авторитарной и метафизической). Падение означает «новое практическое сплочение социальных коллективов, их воссоздание из раздробленности» [3, с. 113]. Миссию собирания, как сказано, осуществлял поначалу капитализм, особенно на стадии крупного машинного производства: «Тогда началась эпоха культурной истории, которую по справедливости можно назвать эпохой собирания человека» [3, с. 95]. Труд квалифицированного рабочего при машине знаменует окончание деления общества на организаторов и исполнителей и формирование нового целостного человека. Одновременно рушится царство абстрактно-метафизического мышления и вырабатываются новые коллективистские формы мышления, из «дуалистической» мысль становится «монистической», утрачивается несоизмеримость бытия и мышления: «...тут бытие получает смысл, и он таков: человечество организует вселенную путём борьбы со стихиями. Тут мышление получает реальную силу, и она такова: *мысль организует* трудовую энергию человечества в борьбе со стихиями. Исчезает нелепая несоизмеримость двух полюсов: мышление, воплощённое в деятельности коллектива, есть могучее бытие; и бытие, отражённое в этой деятельности, есть светлое мышление» [3, с. 113].

У Богданова, понятно, нет «частичной» идеологии, о которой речь шла в начале статьи, он рассматривал идеологии целого, эпох, сознание фетишистское, иллюзорное, свойственное эпохам прошлого. От них

отличается научное, монистическое сознание, только начавшее формироваться, но за которым будущее. И тут Богданов обращается прямо к пролетариату, призвание которого он видит и в создании целостного мышления, и в создании целостной организации общества. Трудовая деятельность пролетариев лежит в основе нового типа причинной связи: уходит в прошлое причина-авторитет и причина как необходимость, а утверждается причинность как превращение одного вида энергии в другой. Цепь причинности есть цепь превращений энергии, которые возникают в трудовом опыте людей. На основе этих принципов формируется идеология коллективизма и солидарности.

Изменения в обществе, происходящие с ликвидацией фетишизма, касаются не только мышления, форм труда и иной человеческой деятельности, но и всех общественных институтов – государства, права, нравственности, искусства. Государство как таковое исчезает, на смену ему должна прийти централизованная организация, ни в коей мере не бюрократическая: центр не управляет, он выясняет волю коллектива и выполняет её. Такая перестройка рассчитана на длительный период времени, когда осуществляется творческое преобразование культуры человеческого общества. До сих пор Богданова обвиняют в «революционном нетерпении», хотя он сам был противником радикалов, стремящихся к быстрым революционным преобразованиям. Следствием таковых, говорил Богданов, может стать мрачное «царство Железной Пяты». Но, конечно, те преобразования, которые он намечал в области нравственности, права, искусства, напоминают жёсткую утопию. Искусство должно быть ориентировано исключительно на социальные темы, нравственность и право заменяются «нормами товарищеской солидарности», укреплёнными в «уставах организации». Социальные нормы должны восприниматься как нормы «целесообразной организации», подобно тому, как технические правила являются правилами «технической целесообразности». Во всех тенденциях коллективизма заключается один всеобщий принцип: «сознательно организованное объединение всех сил человечества для борьбы с природой, для бесконечного развития власти труда над ней» [4, с. 420].

Плюсы теоретической позиции Богданова – перспективы монизма науки, единство и равенство в общественной организации людей, вера в творческое развитие человеческой культуры – обращаются в минусы, в утопию, когда он говорит об отношениях целесообразности, которые должны заменить нравственность, право и призвать себе на помощь психиатрические лечебницы для воспитания людей, не осознающих необходимости целесообразного поведения. Г. Гловели прав, когда пишет о сциентистской утопии Богданова, о сведении человеческих отношений к принципу «научно-организованного труда» и о превосходстве над ним Маркса, который признавал свободу индивида за пределами производственного труда.

Рассмотренные выше точки зрения на соотношение науки и идеологии принадлежат позитивистам и имеют как различия между собой, так и определённое сходство. Сходство относится к разработке социологической науки и основанной на ней идеологии. Принято считать, что идеология – это теоретическая конструкция, которая содержит политический взгляд определённого слоя населения на своё настоящее и будущие перспективы. Идеология, отправным пунктом которой является социологическая наука, отличается претензией на охват интересов всего общества. Это как будто противоречит приведённому определению идеологии, в котором предусмотрена частичность идеологии, её принадлежности классу, группе. И между тем за прошедшие 100–150 лет научная идеология, ориентированная на крупные общественные целостности, всё более усиливает свои позиции, тогда как частичные идеологии утрачивают свою определённость, размываются. Это разительная перемена по сравнению с прежними временами, когда единство общества казалось труднодостижимым, а классовые стычки грозили перерасти в социальные революции. Теперь сословная борьба перерастает в этнические, региональные, религиозные столкновения, и каждый из этих видов борьбы включает в себе более или менее масштабное единство. Разительный контраст с этой точкой зрения представляет позиция К. Мангейма, который в своём понимании общества отталкивался именно от частичных идеологий и тщетно пытался найти от них путь к целому. «Тотальность, – пишет он, – предполагает восприятие частичных взглядов, постоянное преодоление их границ, стремление к целому, которое, расширяя шаг за шагом в процессе познания, видит свою цель не во временном окончательном решении, а в предельно возможном для нас расширении перспективы» [13, с. 126–127]. Стремление к целому связано с поиском научности в политике.

Мангейм признаёт, что в политике есть небольшая рациональная сфера, связанная с государственным управлением, и большая сфера нерационального, где разворачивается творческая деятельность людей. Первая сфера открыта для науки, ко второй применение науки невозможно, это область идеологий – консерватизма, либерализма, социализма, фашизма. Одни из её представителей осознают значение иррациональных сил в деятельности государства (консерваторы), другие (либералы и демократы), стремясь к рациональному управлению обществом и отчасти достигнув этого (парламент), создали новые иррациональные сферы (свободная конкуренция, классовая борьба), третьи (социалисты-марксисты) утвердили «диалектическое отношение между теорией и практикой в истории, дав синтез интуитивизма и стремления к крайнему рационализму» [13, с. 152]. Итак, политическое мышление в обществе разбито на множество идеологий, так что напрашивается вывод о невозможности науки о политике. Но Мангейм делает другой вывод: поскольку политическое знание имеет частичный характер, то

возможно знание целого путём синтеза частичных знаний, которые взаимодополняют друг друга. Странная точка зрения, стремящаяся в синтезе идеологий найти целостное знание и приблизиться тем самым к политической науке, хотя бы учесть и ту его оговорку, что синтез имеет не абсолютный, а сугубо относительный, динамичный, постоянно устанавливаемый характер. Идея синтеза идеологий противоречит их назначению и смыслу: дать точку зрения определённой социальной группы. У Мангейма носителем целостной точки зрения является «свободно парящая интеллигенция», миссия образования полагается при этом в том, «чтобы выражать духовные интересы целого». Но образование, как доказано историей, не даёт единства позиций, единство разных идеологических позиций даёт парламент на какой-то период времени и по определённым вопросам.

Рассмотренные выше взгляды трёх разных теоретиков позитивизма лежали в основе (Конт, Дюркгейм) науки социологии, на основании которой ими разрабатывались законы целостных общественных устройств (человечества и иных общностей). И между тем их научные социологические концепции дали основу для формирования особой идеологии единства, солидарности, которая отличается от частичных социальных идеологий (класса, социальной группы) своей ориентацией на целое. Это в полном смысле «научные» идеологии. Мангейм считал позитивистов представителями традиционного естественнонаучного знания, в котором приоритетная роль принадлежит математике. Но рассмотренные выше позитивисты были именно социологами, Конт считал социологию высшей из наук и при этом осознал, что наука не отделена стеной от действия, ценностей, чувства. У Мангейма единство рационального и иррационального присуще только частичным идеологиям и их синтезу, стремящемуся якобы стать наукой, тогда как у позитивистов, тяготеющих, по его мнению, к модели естественнонаучного знания, отсутствуют мотивы воли, оценки, мировоззрения. Это совсем не так, что доказывает идеология солидарности, которая следовала как вывод из научных социологических исследований и Конта, и Дюркгейма, и Богданова. В заключение можно отметить, что есть разные виды идеологий, одни формируются на базе научных изысканий (идеология солидарности или Марксова идеология равенства), в других акцент сделан на обосновании жизненных интересов той или иной группы населения (консерватизм, либерализм, социализм).

Я не хочу сказать, что социальные целостности всегда имеют связь с наукой. Например, нация – целостное образование, но национальные идеологии строятся на патриархальных ценностях, на массовых страстях, а не на науке. Но если не всякая целостность апеллирует к науке, то наука (естественные науки, техника, общая социология) в своём обращении к социуму направлена на целостности: Конт имел в виду человечество, Дюркгейм – профессиональные корпорации и общество в це-

лом, Богданов настаивал на монизме социально-трудового опыта. Правда, это относится к науке сравнительно раннего этапа развития, когда она только налаживала контакт с техникой, проникала в гуманитарные науки. Тогда образованная общественность чувствовала радостный подъём от совместных успехов наук в соединении с верой в гуманные перспективы человечества, в общечеловеческую солидарность. В наше время наука и техника работают на государство, которое всегда имело небольшую сферу рациональности в области управления. Но теперь эта сфера сильно расширилась в силу того, что наука, государство и производство тесно переплетены друг с другом. Надо ещё учесть и социальную сферу, находящуюся на попечении государства, чтобы представить себе единого государственного монстра, в котором солидарность превратилась в проклятие, в запрет на свободу мысли и действия индивидов. Впрочем, такие особенности солидарности просматривались уже в утопиях Конта и Богданова. Теперь они стали главной мишенью критики, например, для французских нетрадиционных левых типа К. Касториадиса, выбирающих свободу вопреки солидарности, в основе которой лежит инструментальный разум науки и техники.

Список литературы

1. Арон Р. Воображаемые марксизмы / Пер. с фр. И.А. Гобозова. М.: Либроком, 2010. 375 с.
2. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории / Пер. с фр. И.А. Гобозова. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 595 с.
3. Богданов А.А. Падение великого фетишизма. 2 изд.-е. М.: Красанд, 2010. 221 с.
4. Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. М.; Воронеж: НПО «Модэк», 1999. 480 с.
5. Гловели Г.Д. «Социализм науки»: мёбиусова лента А.А. Богданова. М.: Знание, 1991. 61 с.
6. Джеймс У. Введение в философию. Рассел Б. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. 318 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологические этюды. М.: Мысль, 1994. 399 с.
9. Дюркгейм Э. Социология. М.: Терра-Книжный клуб, 1997. 400 с.
10. Конт О. Дух позитивной философии. СПб.: Вестник знания, 1910. 76, IV с. портр.
11. Конт О. Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. Вып. 4. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912. С. 133–134.
12. Конт О. Система позитивной политики // Родоначальники позитивизма. Вып. 2. Т. 1. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910. С. 125.
13. Мангейм К. Идеология и утопия: в 2 ч. М.: АН СССР, 1976.

14. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.

15. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл. А. Юдина. М.: АСТ, 2002. 526 с.

16. Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / Пер. с англ., под ред. В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

17. Самарская Е.А. Человек и история (философская полемика в ранне-индустриальных обществах) // Философия и культура. 2013. № 10. С. 1419–1427. DOI: 10.7256/1999–2793.2013.10.9094.

18. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология»: сб. ст. / Пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.

19. Filloux J.-Cl. Durkheim et le socialisme. Geneva: Droz, 1977. 388 p.

20. Gurvich G. Trois chapitres d'histoire de la sociologie. P.: Centre de documentation universitaire, 1957. 120 p.

POLITICAL ANTHROPOLOGY

Elene SAMARSKAYA

D.Sc. in Political Science, Leading Research Fellow of Department of the History of Political Philosophy. RAS Institute of Philosophy, Goncharkaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: helene-samarskaya@yandex.ru

SCIENCE AND IDEOLOGY OF SOLIDARITY

In modern times (last 100–150 years), the influence of science and technology increases on society, not only the utilitarian influence (on production, on the organization of social life), but also on the ideology, just the science becomes ideology (J. Habermas). Thus the question arises, what is the relationship between science, scientific ideology and traditional political forms of ideology (socialism, liberalism, conservatism). For example, this article describes three social systems – of O. Comte, of E. Durkheim and of A.A. Bogdanov. These positivist sociologists were closest in contact with science and with the science of sociology in particular. Parallel to this was the polemic with Karl Mannheim, who had laid the foundations of modern conceptions of ideology as expression of the interests of certain social groups.

Auguste Comte was one of the founders of the science of sociology, for him it was the complete of the natural sciences. The result was the elimination of the deep differences of natural philosophy from the moral philosophy accepted since the time of Plato and Aristotle. The ideology of Comte was an expression of the interests of the whole society, not even of the state, but of mankind. So was formed Comte's new ideology of solidarity, the promotion of the public good should be predominant in it.

E. Durkheim, following Comte, stood on the positions of the scientific study of society, but the bearer of public interest for him were, on the one hand, family and professional association, on the other hand, the state. At the end of his life he spoke about socialism, but his socialism was special, he rejected the principle of equality, but appreciated the impact of the group on the individual and therefore can be considered close to the ideology of solidarity.

The third form of the science of sociology and ideology of solidarity, which is seen in this article, it is empiriomonism of A.A. Bogdanov. He insisted on the integrity of human experience, both natural and social. For centuries there

were processes of convergence of different sciences, but at the stage of machine production there appeared a chance to overcome the specialization and anarchy, to submit sciences and social experience to the principle of monism. Like Comte, Bogdanov thought in the scale of humanity, whose task was considered the organization of all its forces for the struggle with nature, to establish the power of labor over it. Bogdanov was a brilliant mouthpiece of the idea of solidarity, though, being an unorthodox Marxist, recognized the principle of equality.

It is considered that sociology is a theoretical construction which contains the political view of a certain segment of the population at its present and future. Ideologies of examined social theories pretend to be scientific and to express the interests of large human conglomerates, lately they are getting stronger, while traditional political ideologies are blurred (blurred communism, blurred socialism, and nationalism is experiencing attacks of ethnic groups, etc.). Reality demonstrates the multiplicity of ideologies, but a holistic knowledge doesn't give the relative synthesis of different ideologies (Mannheim), but the ideology derived from scientific knowledge of society. The author is far from the idealization of scientific ideologies, though they had the form of an ideology of solidarity, but we must be aware of their impending force and its pros and cons.

Keywords: sociology, science, partial ideology, monolithic ideology, scientific ideology, the state, humanity, society, the individual, solidarity

References

1. Aron, R. *Izbrannoe: Vvedenie v filosofiyu istorii* [Selected Writings: Introduction to the Philosophy of History], trans. by I. Gobofov. Moscow: St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000. 595 pp. (In Russian)
2. Aron, R. *Voobrazhaemye marxizmy* [Marxism and the Existentialists], trans. by I. Gobofov. Moscow: Librocom Publ., 2010. 375 pp. (In Russian)
3. Bogdanov, A. *Padenie velikogo fetishizma* [The fall of the great fetishism]. Moscow: Krasand Publ., 2010. 221 pp. (In Russian)
4. Bogdanov, A. *Poznanie s istoricheskoi tochki zreniya* [Knowledge from the historical point of view]. Moscow: Voronezh, Modek Publ., 1999. 480 pp. (In Russian)
5. Comte, A. "Kurs pozitivnoi filosofii" [The Course in Positive Philosophy], *Rodonachal'niki pozitivizma* [The founding fathers of positivism], issue 4. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1912, pp. 133–134. (In Russian)
6. Comte, A. "Sistema pozitivnoi politiki" [System of Positive Polity], *Rodonachal'niki pozitivizma* [The founding fathers of positivism], issue 2, vol. 1. St. Petersburg: Brokgauz-Efron Publ., 1910, p. 125. (In Russian)
7. Comte, A. *Dukh pozitivnoi filosofii* [The Discourse on the Positive Spirit]. St. Petersburg: Vestnik znaniya Publ., 1910. 76 pp. (In Russian)
8. Durkheim, D.E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 572 pp. (In Russian)

9. Durkheim, D.E. *Samoubiistvo: Sotsiologicheskie etyudy* [Suicide: a Study in Sociology]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 399 pp. (In Russian)
10. Durkheim, D.E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Terra-Knizhnyi klub Publ., 1997. 400 pp. (In Russian)
11. Filloux, J.-Cl. *Durkheim et le socialisme*. Geneva: Droz, 1977. 388 pp.
12. Gloveli, G. «Sotsializm nauki»: mebiusova lenta A.A. Bogdanova [«Socialism of science»: the Möbius strip of A.A. Bogdanov]. Moscow: Znanie Publ., 1991. 61 pp. (In Russian)
13. Gurvich, G. *Trois chapitres d'histoire de la sociologie*. Paris: Centre de documentation universitaire, 1957. 120 pp.
14. Habermas, Jü. *Tekhnika i nauka kak «ideologiya»* [Technology and Science as «Ideology»], trans. by M. Khorkov. Moscow: Praxis Publ., 2007. 208 pp. (In Russian)
15. James, W. *Vvedenie v filosofiyyu* [Some Problems of Philosophy: a Beginning of an Introduction to Philosophy], Russell, B. *Problemy filosofii* [The Problems of Philosophy]. Moscow: Respublika Publ., 2000. 318 pp. (In Russian)
16. Mannheim, K. *Ideologiya i utopiya*, 2 t. [Ideology and Utopia, 2 vols.]. Moscow: AS USSR Publ., 1976. (In Russian)
17. Mannheim, K. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenii – sostyazatel'nost' – ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the sociology of knowledge. The problem of generations, competition and economic ambitions], trans. by E. Dodin. Moscow: INION RAS Publ., 2000. 162 pp. (In Russian)
18. Marcuse, H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitoego industrial'nogo obshchestva* [Eros and Civilization. One-dimensional Man: studies in ideology of advanced industrial society], trans. by A. Yudin. Moscow: AST Publ., 2002. 526 pp. (In Russian)
19. Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znaniya. Izbrannye raboty* [The Logic of Scientific Discovery. Selected Works], ed. by V. Sadovskii. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 pp. (In Russian)
20. Samarskaya, E. “Chelovek i istoriya (filosofskaya polemika v ranne-industrial'nykh obshchestvakh)” [Human and History (Philosophical Polemics in Early Industrial Societies)], *Filosofiya i kul'tura*, 2013, no 10, pp. 1419–1427. (DOI: 10.7256/1999–2793.2013.10.9094) (In Russian)